

RU

Когнитивная метафора как способ реализации эмотивной функции языка в политическом дискурсе (на материале выступлений Дональда Трампа и Маргарет Тэтчер)

Дреева Д. М., Кокоева А. Ф.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении эмотивно-суггестивного потенциала когнитивной (концептуальной) метафоры как одного из способов реализации экспрессивной функции языка в англоязычном политическом дискурсе на примере текстов выступлений британских и американских государственных деятелей. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые суггестивные потенции концептуальной метафоры как средства оказания эмоционального воздействия на адресата проанализированы сквозь призму коммуникативно-целевой специфики политического дискурса. Новизна обусловлена также малой степенью изученности функциональных возможностей метафоры в политических текстах. В результате исследования установлено, что когнитивная метафора как ментально-лингвальный феномен обладает, благодаря своей двуединой природе, ярко выраженной суггестивностью. Метафорический перенос свойств конкретных предметов на абстрактные сущности оказывает влияние не только на концептуальную сферу, но и на внутреннее состояние познающего субъекта, способствуя реализации эмотивно-экспрессивной функции языка в процессе политической коммуникации.

EN

Cognitive metaphor as a way to implement the emotive function of language in political discourse (based on speeches by Donald Trump and Margaret Thatcher)

D. M. Dreeva, A. F. Kokoeva

Abstract. The purpose of the study is to identify the emotive-suggestive potential of cognitive (conceptual) metaphor as one of the ways to implement the expressive function of language in English-speaking political discourse using the example of texts of speeches by British and American statesmen. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time the suggestive potencies of a conceptual metaphor as a means of exerting emotional influence on the addressee are analyzed through the prism of the communicative and target specificity of political discourse. The novelty is also due to the low degree of knowledge of the functional capabilities of metaphor in political texts. As a result of the study, it was found that cognitive metaphor as a mental-linguistic phenomenon has, due to its dual nature, a vividly expressed suggestiveness. The metaphorical transfer of the properties of concrete objects to abstract entities affects not only the conceptual sphere, but also the internal state of the cognizing subject, contributing to the realization of the emotive and expressive function of language in the process of political communication.

Введение

Актуальность темы исследования, представленного в настоящей статье, определяется повышенным вниманием современного языкознания к проблематике, связанной с формами вербализации мыслительных процессов и, в частности, с изучением форм и способов воздействия на адресата как субъекта восприятия сообщения. В контексте новейших изысканий в лингвистике, сфокусированных на выявлении принципов и механизмов взаимодействия языка и мышления, актуальным становится изучение функционирования в реальных процессах коммуникации такого феномена, как метафора, которую в рамках современной научной парадигмы рассматривают не только как выразительное средство языка и риторический прием, но и как «ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» (Чудинов, Будаев, 2007, с. 54) и, следовательно, как «феномен сознания», проявляющийся «не только в языке, но и в мышлении,

и в действии» (Будаев, 2007, с. 18) и основанный на механизме когнитивно-дискурсивного моделирования реальности (Калашникова, 2006, с. 3; Газинская, 2013, с. 86), а метафорическое мышление понимают при этом как форму «познавательной деятельности субъекта» (Калашникова, 2019, с. 22); см. об этом подробнее (Кимов, 2010).

Актуальность заявленной темы обусловлена также необходимостью комплексного и всестороннего изучения сложного и неоднозначного феномена «дискурс» как формы динамически развивающегося во времени и пространстве процесса вербального общения. Исследование выполнено с учетом важнейших достижений когнитивной лингвистики и дискуртологии, а также политической лингвистики – раздела языкознания, ориентированного на выявление и описание принципов информационно-коммуникационных процессов социально-политической сферы общества.

В теоретическом плане работа основывается на фундаментальных положениях теории дискурса, представленных в трудах М. Фуко (1996), Э. Бенвениста (1974), Т. А. ван Дейка (1989), Н. Д. Арутюновой (1998), А. А. Кибрика (2003; 2019), на ключевых концепциях теории политического дискурса, разрабатываемых современными отечественными лингвистами: В. З. Демьянковым (2002), Е. И. Шейгал (2004), А. П. Чудиновым (2007), а также на результатах изысканий в области теории метафоры, изложенных в работах Э. Маккормака (1990), Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2004), В. Н. Телия (1988а; 1988b), В. А. Масловой (2001), О. Ю. Буйновой (2001), Э. В. Будаева, А. П. Чудинова (2008), А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского (2008), Р. С. Кимова (2010), А. П. Чудинова (2013).

Материалом для составления эмпирической базы исследования послужили англоязычные политические тексты, в частности фрагменты публичного выступления Дональда Трампа (20.01.2017) и речь Маргарет Тэтчер, произнесенная 20 сентября 1988 г. в Брюгге (Бельгия):

- The full text of Donald Trump's inauguration speech // The Guardian. 20.01.2017. <https://www.theguardian.com/world/2017/jan/20/donald-trump-inauguration-speech-full-text> (далее – The Guardian, 2017);
- Margaret Thatcher: 'To try to suppress nationhood and concentrate power at the centre of a European conglomerate would be highly damaging', Bruges speech – 1988 // Speakola. 2016. <https://speakola.com/political/margaret-thatcher-bruges-speech-eu-1988> (далее – Speakola, 2016);
- The Best Margaret Thatcher Quotes // Ranker. 06.12.2023. <https://www.ranker.com/list/a-list-of-famous-margaret-thatcher-quotes/reference> (далее – Ranker, 2023).

Заявленная цель обусловила постановку ряда задач, главными из которых явились: 1) теоретическая рецепция понятий «дискурс», «политический дискурс», «когнитивная метафора»; 2) рассмотрение функционирования концептуальной метафоры в качестве средства реализации эмотивности в текстах публичных выступлений Д. Трампа и М. Тэтчер; 3) лингвокогнитивный анализ механизма метафорического ассоциирования, обеспечивающего суггестивный эффект в процессе политической коммуникации.

В ходе исследования использовались следующие методы исследования: метод сплошной выборки, применяемый в ходе сбора эмпирического материала для анализа и иллюстрации изложенных в статье теоретических положений; структурно-описательный и семантический методы анализа, использованные с целью описания структурных элементов метафорической проекции и, соответственно, анализа семантической структуры концептуальных сфер рассматриваемых когнитивных метафор, а также элементы лингвокогнитивного и герменевтического анализа, позволившие, наряду с установлением и описанием когнитивных механизмов, лежащих в основе метафорического ассоциирования, определить и интерпретировать имплицитные смыслы метафорических переносов в англоязычном политическом дискурсе. В работе в качестве семантических синонимов используются понятия «когнитивная метафора», «концептуальная метафора».

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов при проведении спецкурсов по когнитологии и политической лингвистике для студентов филологических факультетов университетов, а также на семинарских занятиях по стилистике при интерпретации политических текстов.

Обсуждение и результаты

Этимологически лексема *discursus* восходит к позднелатинскому, где она впервые зафиксирована в V веке н. э. в значении «беседа, разговор». Что касается объема и содержания понятия «дискурс», то одна из первых попыток его дефиниции принадлежит французскому ученому-лингвисту Эмилю Бенвенисту, определявшему данный феномен как «речь, присваиваемую говорящим» (1974, с. 292). Исходя из данной трактовки, можно констатировать, что ученый проводит черту между самим утверждением и языком изложения. Из этого следует, что дискурс в понимании Э. Бенвениста включает в себя функциональный аспект и подразумевает экспликацию, интерпретацию позиции спикера в высказывании.

Современное толкование дискурса, изложенное в трудах французского философа Мишеля Фуко, несет в себе явные признаки влияния идей родоначальника структурализма Фердинанда де Соссюра, т. к. очевидно, что предметом интереса М. Фуко становится выявление структур, свойственных самому дискурсу. Он определяет дискурс как «совокупность высказываний, принадлежащих к одной системе формаций» (Фуко, 1996, с. 167). Формации, согласно дефиниции М. Фуко, представляют собой сам дискурс в контексте хронологически изменяющихся структур, образующихся в результате пересечения двух ипостасей дискурса: коммуникативной и когнитивной.

Ключевое место в современной интерпретации рассматриваемого феномена принадлежит голландскому ученому Тену ван Дейку, одному из основоположников теории текста и дискурс-анализа, который расширяет

понимание дискурса за счет включения в него внеязыковых факторов, определяя его как «речевой поток, вбирающий в себя многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение» (1989, с. 3). По мысли ученого, дискурс есть «коммуникативное событие, единство языковой формы, значения и действия» (Дейк, 2015, с. 121-122).

Аналогичным образом трактуют дискурс в отечественной лингвистике, понимая под ним «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» (Караулов, Петров, 1989, с. 8). Т. е., согласно подобной трактовке, дискурс является главной составляющей социокультурного взаимодействия, охватывающей, помимо собственно вербальных средств, также и другие изобразительно-выразительные средства, начиная от интонации до жестикюляций, используемые для придания речи большей красочности и эмоциональной выразительности.

Приведенные суждения содержат мысль о комплексном характере рассматриваемого явления, представляющего собой многогранный феномен, объединяющий, как подчеркивает в своем определении дискурса А. А. Кибрик, «и динамический, и статический аспекты» (2019, с. 127) и нацеленный на обмен информацией между говорящим и слушателем. При этом ученые указывают на необходимость изучения как собственно языковой, так и экстралингвистической составляющих, утверждая, что «анализ концептуальной и эмпирической основы дискурса имеет первостепенное значение» (The Oxford Handbook..., 2021, p. 16).

С точки зрения советского и российского лингвиста Н. Д. Арутюновой, дискурс представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами, текст, взятый в событийном аспекте, дискурс – это речь, погруженная в жизнь» (1998, с. 136-137). Исходя из данной, ставшей в силу своей точности и емкости хрестоматийной, дефиниции ученой, можно заключить, что дискурс является продуктом социального сознания, оказывающим прямое воздействие как на процесс коммуникации, так и на мыслительные механизмы сознания коммуникантов.

Как отмечает Е. И. Шейгал, политика всецело отражает концептосферу дискурса. По мнению исследовательницы, специфическим признаком, отличающим политику от иных сфер человеческого бытия, является ее «преимущественно дискурсивный характер», поскольку «многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» (Шейгал, 2004, с. 27). Данное суждение выступает, по сути, толкованием терминологического словосочетания «политический дискурс», обуславливающим правомерность применения дискурсивно ориентированного подхода к анализу политических текстов.

В новейших исследованиях по дискурсологии и, в частности, в работах, посвященных изучению специфических особенностей политического дискурса, акцентируется особая роль языка в политической коммуникации как «инструмента влияния и манипулирования» (Баранов, Михайлова, Сатаров и др., 2004, с. 5), исследуется манипулятивный потенциал языка как уникальной информационной системы знаков (Звада, 2018, с. 23), а также указывается на наличие в данном типе дискурса ярко выраженных «тенденций к образности речи» (Спиридовский, 2024, с. 239), проявляющихся в использовании различных языковых способов и форм эмоционального воздействия на чувства и поведение реципиента, что, в свою очередь, обусловлено суггестивной природой политических текстов.

Термин «суггестивность» (англ. *suggestive* – намек, подсказка, внушение от лат. *suggestio* – внушение) заимствован из английской эстетики А. Н. Веселовским (1989, с. 71), который впервые ввел его в научный оборот и охотно использовал в своих работах по исторической поэтике. В современной лингвистике и теории дискурса понятие «суггестивность» трактуется исследователями как многоуровневое явление, реализующееся на всех уровнях организации текста (Пухаева, Дреева, 2022, с. 194).

Что касается эмотивности, то под ней понимается «имманентное свойство языка выражать психологические состояния и переживания человека» (Шаховский, 2008, с. 5). Это свойство заключается в стремлении говорящего воздействовать через эмоции на сознание и поведение слушателя (Пухаева, Дреева, 2022, с. 193). Таким образом, как видим, эмотивность тесно переплетается с понятием суггестивности.

Итак, резюмируя изложенные выше точки зрения ученых-дискурсологов, можно утверждать, что политический дискурс – это реализация социальных отношений в языковой плоскости. Действительно, основной целью данного типа дискурса является формирование стратегических ориентиров и вектора развития государственной деятельности через оказание эмоционального влияния на адресата посредством использования различных приемов и техник.

Релевантной для предпринятого нами исследования представляется также исчерпывающая, с нашей точки зрения, характеристика политического дискурса, данная А. П. Чудиновым. Помимо качеств, характеризующих данный феномен с точки зрения его содержания, а именно: «информативности», «институциональности», «интертекстуальности», «общедоступности» и др., ученый выделяет также «агрессивность и толерантность» (Чудинов, 2007, с. 45), имеющие непосредственное отношение к эмоциональной сфере человека.

Следует подчеркнуть, что многие современные исследователи разделяют мнение А. П. Чудинова. Так, например, В. З. Демьянков ключевым свойством политического дискурса считает его побудительную (императивную) модальность и главную цель данного типа дискурса видит не в желании автора «просто описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» (2002, с. 34). Т. е., согласно точке зрения ученого, главная функция политического дискурса состоит в мотивации реципиентов к определенным действиям путем внушения.

Из этого явствует, что внушение (суггестия) находится в прямой зависимости от отношения суггестора (спикера) к тому, что он хочет внушить суггеренду (реципиенту). В содержание этой трактовки входит, прежде

всего, вера самого суггестора в то, в чем он хочет убедить слушателей. Следовательно, оратором активно используются определенные языковые средства, обладающие эмотивным потенциалом.

К подобным средствам относится когнитивная, или концептуальная, метафора, которая с началом развития когнитивной науки в XX в. стала рассматриваться как способ мышления, систематизации и передачи знаний об объективной действительности и трактоваться как «элемент когнитивной системы человека» (Баранова, Харченкова, Абдыжапарова, 2020, с. 426).

Согласно определению Э. Маккормака (1990, с. 358), данный феномен следует толковать как результат мысленного сопоставления семантических концептов, имеющих ряд сходных признаков, но в целом никак не связанных между собой.

По мысли американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, сущность когнитивной метафоры как формы вербализации познавательного процесса состоит в «осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» (2004, с. 9). Иными словами, когнитивная метафора приводит, как пишет В. Н. Телия, «к формированию нового (абстрактного. – Д. Д., А. К.) значения» (1988b, с. 193), позволяя нам осмыслить абстрактные концепты посредством их перевода в плоскость других концептов, более конкретных, и таким образом объясняя «сложные явления при помощи общеизвестных» (Степанов, 2021, с. 37). Следовательно, концептуальная метафора выполняет одну из важнейших функций по интерпретации сложных явлений, выступая в качестве посредника между двумя сферами: «сферой-источником» и «сферой-мишенью» (Лакофф, Джонсон, 2004, с. 9) – и тем самым оказывая влияние на формирование картины мира реципиента.

Для рассмотрения эмотивного потенциала когнитивной метафоры как средства реализации суггестивности в рамках современного англоязычного политического дискурса обратимся к инаугурационной речи 45-го президента США Дональда Трампа и к выступлению в Брюгге премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер.

В анализируемом тексте публичного выступления американского экс-президента Дональда Трампа вербализуются традиционные американские ценности, он призывает к свободе, к единству и консолидации нации. Ключевыми концептами предстают любовь к Родине и идея сильного государства. Крайне важным элементом в выступлении политика являются вопросы социального неравенства, поэтому когнитивные метафоры семантической сферы «бедность», «неравенство» проходят красной нитью по всему выступлению экс-президента:

“Mothers and children trapped in poverty in our inner cities...” (The Guardian, 2017). / *«Матери с детьми оказались в ловушке бедности в наших городских кварталах...»* (здесь и далее – перевод авторов статьи. – Д. Д., А. К.).

На уровне семантики текста можно обнаружить отражение метафорической проекции, в результате которой элементы сферы-источника (в данном случае – элементы концептуального домена «Население / Матери с детьми») формируют концептуальную сферу-мишень (абстрактное понятие «Бедность»), обращая внимание адресата на декларируемую Трампом идею неравенства и социального расслоения общества, которая является частью когнитивной структуры. Таким образом, отождествляя посредством метафорического переноса образ бедности с населением Америки, политик апеллирует к эмпатии слушателя.

Примечательно, что идея растущего социального неравенства репрезентируется в политической риторике Трампа и через прямо противоположный, антонимический концепту БЕДНОСТЬ, концепт, а именно – концепт БОГАТСТВО, входящий, наряду с концептом БЕДНОСТЬ, в более общую понятийную сферу «Материальное состояние»:

“We’ve made other countries rich while the wealth, strength, and confidence of our country has disappeared over the horizon” (The Guardian, 2017). / *«Мы делали другие страны богатыми, в то время как богатство, сила и уверенность нашей страны исчезли (уплыли) за горизонт».*

Приведенный фрагмент содержит онтологическую метафору, которая базируется в данном случае на свойстве передвигающегося по воде предмета (например, корабля или парохода), заключающемся в способности исчезать из поля зрения, то есть «уплывать за горизонт». Этот признак сферы-источника, сформировавшийся на основе опыта физического контакта человека с окружающей действительностью, проецируется на абстрактную категорию БОГАТСТВО, которое, будучи, с точки зрения Трампа, материальной ценностью для всего народа и являясь источником всех благ, прежде всего, несомненно, материальных благ, «упорхнуло за горизонт» из-за невидимого политического курса США. Так, посредством метафорической проекции, нацеленной на противоположную концепту БЕДНОСТЬ сферу-мишень, политик пытается внушить аудитории мысль, что экономический регресс и в целом бедственная ситуация определенной части современного американского общества есть следствие неэффективной политики руководства США и, соответственно, неверной государственной стратегии страны.

Дональд Трамп активно использует в своей речи метафорические приемы с целью формирования у народа негативного отношения к политической системе США прошлых лет:

“Washington flourished, but the people did not share in its wealth. Politicians prospered, but the jobs left and the factories closed” (The Guardian, 2017). / *«Вашингтон процветал, но люди не разделяли его богатства. Политики процветали, но рабочие места исчезали, а фабрики закрывались».*

В данном примере метафорическая проекция основана на взаимодействии двух компонентов когнитивной структуры: «источника» и «мишени», а именно: НАРОД/ОБЩЕСТВО является сферой-источником, СОЗИДАНИЕ – сферой-мишенью. Идея созидания проходит через всю речь Трампа, политик придерживается модели созидания, во главу угла которой он ставит интересы всего народа, а не отдельных привилегированных лиц.

В выражении: *“Politicians prospered, but the jobs left and the factories closed”*. / *«Политики процветали, но рабочие места исчезали, а фабрики закрывались»* – Трамп прибегает к использованию концептуальной оппозиции ВЛАСТЬ – НАРОД, обращая внимание адресата на идею неравенства, которая концептуализируется

как глобальное бедствие. Этим метафорическим приемом политик направляет слушателей на подсознательном уровне к концепту СОЗИДАНИЕ, определяя тем самым народ как единственный источник власти ключевым субъектом созидания и развития.

С помощью развернутой концептуальной метафоры, выступающей в качестве эффективного средства повышения эмоциональной окрашенности высказывания, вербализуются патриотические идеи Трампа, как, например, в приведенном ниже отрывке, содержащем в себе интенцию порыва, направленного на призыв сограждан открыть сердца патриотизму:

“When you open your heart to patriotism, there is no room for prejudice. <...> It is time to remember that old wisdom our soldiers will never forget: that whether we are black or white, we all bleed the same red blood of patriots, we all enjoy the same glorious freedoms, and we all salute the same American Flag” (The Guardian, 2017). / *«Когда вы открыты для патриотизма, для предрассудков не остается места. <...> Пришло время вспомнить старую мудрость, которую никогда не забудут наши солдаты: неважно, кто ты – афроамериканец или белый человек; во всех нас течет красная кровь, кровь патриотов. Мы все любим и ценим одни и те же славные свободы, и мы все чтим один и тот же американский флаг».*

Концепт ПАТРИОТИЗМ представлен социоморфной метафорой. В рассматриваемом примере Дональд Трамп активно прибегает к метафорическому моделированию мира, используя образы из других социальных сфер, таких как «Экономика», «Неравенство», «Расовая дискриминация», «Национальное самосознание». Ключевым элементом в выделенном отрывке является механизм метафорического ассоциирования «Патриотизм – это флаг»: здесь патриотизм репрезентируется посредством метафорического сравнения с главным символом государства – флагом.

Приведенный пассаж содержит характерную для американского президентского дискурса и подкрепленную в данном случае концептуальной метафорой отсылку к традиционным для США ценностям – идеям свободы и патриотизма. Не подлежит сомнению, что апеллирование к общенациональным ценностям является эффективным способом воздействия на эмоциональную сферу реципиента, его поведение и убеждения.

Эмотивный потенциал когнитивной метафоры в британском политическом дискурсе иллюстрирует также знаменитое высказывание премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер:

“Europe was created by history. America was created by philosophy” (Ranker, 2023). / *«Европа была создана историей, Америка была создана философией».*

Эта фраза представляет собой социоморфную метафору, в которой действует механизм метафорического ассоциирования. Как видим, автор проводит некоторую параллель между дескрипторами «история» и «философия», одновременно противопоставляя их друг другу.

Суть метафоричности пропозиций «ЕВРОПА – ЭТО ИСТОРИЯ», «АМЕРИКА – ЭТО ФИЛОСОФИЯ» состоит в том, что политик прибегает к эмотивно-экспрессивной функции метафоры, которая в данном случае передает сущность статуса двух государств в политическом пространстве в терминах концептов ИСТОРИЯ и ФИЛОСОФИЯ, что позволяет придать высказыванию Маргарет Тэтчер образность, эмоциональную насыщенность, глубину и точность. Таким образом, данное высказывание репрезентирует образы Европы и Америки посредством их метафорического сравнения с концептуальными сферами ИСТОРИЯ и ФИЛОСОФИЯ.

Очевидно, что этой фразой Тэтчер стремится подчеркнуть, несмотря на свой широко известный и общепризнанный евроскептицизм, благородное происхождение европейских народов через возвеличивание Европы как одной из древнейших цивилизаций. Америка, согласно трактовке политика, не может похвастаться благородностью своего исторического происхождения, но, в противовес этому, может выступать, в соответствии со своим философским предназначением, как борец за отстаивание извечных ценностей, главной из которых считается свобода, являющаяся весьма близким и значимым концептом для народов Европы. Можно предположить, что Маргарет Тэтчер, апеллируя к синергичному взаимодействию таких областей знаний, как «История» и «Философия», указывает на комплементарность компонентов «Европа» и «Америка» и невозможность существования одного без другого.

Другой пример концептуальной метафоры, на этот раз антропоморфной, включающей в себя, как известно, несколько подтипов метафор, в том числе метафору родства (Аржанова, 2019, с. 161), содержится в брюгской речи Маргарет Тэтчер:

“Let Europe be a family of nations, understanding each other better, appreciating each other more, doing more together but relishing our national identity no less than our common European endeavor” (Speakola, 2016). / *«Пусть Европа будет семьей наций, понимающих друг друга лучше, больше ценящих друг друга, делающих больше вместе, но наслаждающихся нашей национальной идентичностью не меньше, чем нашими общими европейскими усилиями».*

В приведенном отрывке Европа предстает как семья наций, уподобляясь одной большой сплоченной семье и, соответственно, одному большому дому. Концептуальные метафоры «ЕВРОПА – ЭТО СЕМЬЯ», «ЕВРОПА – ЭТО ДОМ», представляющие европейский континент как одну большую семью, но состоящую из разных наций, способствуют актуализации эмоциональной составляющей всего высказывания. Характеризуя Европу как семью наций и призывая к единству «европейского дома», «железная леди» настаивает на сохранении национальной идентичности и независимости каждого народа и каждого государства.

Как явствует из всех рассмотренных примеров, метафора, будучи, как известно, весьма продуктивным средством художественной выразительности, активно используется и в политических текстах, где она одновременно воздействует и на ментальную, чувственную и коммуникативную сферы реципиента и, усиливая экспрессивность высказывания, обеспечивает реализацию эмотивной функции в процессе политической коммуникации.

Заключение

Вышеизложенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

Дискурс представляет собой комплексный феномен, имеющий сложную многогранную природу. Политический дискурс как особое мыслительное, когнитивное образование отличается специфической коммуникативно-целевой организацией, предполагающей наличие характерной для данного типа дискурса структуры, отражающей интенцию автора политического высказывания воздействовать одновременно и на когнитивную, и на эмоциональную сферы реципиента.

Политический дискурс как акт вербального общения коррелирует с мыслительной деятельностью реципиента, выступая в качестве объекта познания и влияя на картину мира воспринимающего субъекта. Специфика политического дискурса, порождающая синергию эмотивной и суггестивной функций языка, обуславливает активное использование экспрессивно нагруженных языковых средств, реализуемых в конкретных высказываниях благодаря коммуникативным навыкам говорящего.

К подобным языковым средствам относятся когнитивные (концептуальные) метафоры, используемые в политическом дискурсе с целью усиления суггестивного и эмотивного эффекта. Как свидетельствуют результаты анализа эмпирического материала, концептуальная метафора является важной дискурсивной составляющей, за счет которой вербализуется эмотивность политического текста. Метафорические переносы, искусно используемые Д. Трампом и М. Тэтчер в текстах публичных выступлений, воздействуют на воображение слушателей, вызывая яркие эмоциональные переживания и влияя таким образом на мироощущение и миропонимание реципиентов.

Как явствует из анализа фрагментов выступления Дональда Трампа, посредством социоморфных метафор политик акцентирует внимание аудитории на релевантной для американского общества идее социального неравенства и недопустимости дальнейшего социального расслоения, внушая слушателям идею созидания и выражая таким образом свою патриотическую позицию.

Суггестивные возможности метафорического ассоциирования использует в своей публичной риторике и Маргарет Тэтчер. В ходе анализа становится очевидным, что с помощью концептуальных метафор премьер-министр Великобритании стремится во время своей речи одновременно воздействовать на мыслительную и эмоциональную сферы реципиента, пытаясь тем самым завоевать сердца слушателей и повлиять на их чувства, поведение и умонастроения.

Таким образом, обобщение результатов проведенного исследования позволяет утверждать, что метафора, являясь сложно структурированным средством коммуникации и обладая ярко выраженным эмотивно-экспрессивным потенциалом, выступает в качестве основного инструмента реализации эмотивной функции языка в англоязычном политическом дискурсе. Представляя собой сложный когнитивно-языковой феномен, концептуальная метафора воздействует на сознание, а также на чувственно-эмоциональную сферу реципиента и придает высказыванию убедительность и побудительность.

Перспективой исследования заявленной в данной статье проблематики могло бы стать более детальное изучение функциональных возможностей когнитивной метафоры в политическом дискурсе с привлечением текстов выступлений других англо- и иноязычных политических деятелей, а также изучение основных тенденций и механизмов функционирования метафоры в других типах дискурса, прежде всего в художественном.

Источники | References

1. Аржанова И. А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6.
2. Аругюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
4. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004.
5. Баранова И. В., Харченкова Л. И., Абдыжапарова М. И. Актуальность изучения антропоморфных и социоморфных метафор в научном и художественном дискурсах в контексте развития североведения // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85).
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
7. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2007. Вып. 1.
8. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Наука, 2008.
9. Буйнова О. Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В. Г. Гака. Дубна: Феникс+, 2001.
10. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
11. Газинская Ю. В. Метафора как когнитивный механизм моделирования политической реальности в русскоязычном пространстве медиадискурса Украины // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 2.
12. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2015.

13. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
14. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3.
15. Звада О. В. Манипулятивные особенности политического дискурса в англоязычных СМИ // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 1.
16. Калашникова Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов): автореф. дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2006.
17. Калашникова Л. В. Метафорическое мышление как основа когнитивной деятельности субъекта на этапе наглядно-образного мышления. «Игра по правилам» – один из способов решения познавательных задач // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3.
18. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. Вступительная статья // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
19. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс. ... д. филол. н. М., 2003.
20. Кибрик А. А. Дискурс // Введение в науку о языке / ред. и сост.: О. В. Федорова, С. Г. Татевосов. М.: Буки Веди, 2019.
21. Кимов Р. С. Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010.
22. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
23. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990.
24. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
25. Пухаева Д. А., Дреева Дж. М. Синтаксический параллелизм как средство суггестивности в песенном дискурсе (на материале текстов песен группы „Rammstein“) // Шаг в науку – 2022: сб. мат. всероссийской научно-практической конференции. Нальчик, 2022.
26. Спиридовский О. В. Современный политический дискурс: общедоступность или специализированность? // Политическая лингвистика. 2024. № 4.
27. Степанов Е. С. Концептуальная метафора в научном и научно-популярном дискурсе Германии: анализ употребления и функций // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 3.
28. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988а.
29. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и языковая картина мира / отв. ред. Б. А. Серебrenников. М.: Наука, 1988b.
30. Фуко М. Археология знания / пер. с фр.; общ. ред. Б. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996.
31. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013.
32. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Наука, 2007.
33. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13).
34. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
35. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
36. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Информация об авторах | Author information

RU Дреева Джанетта Мурзабековна¹, д. филол. н., проф.
 Кокоева Альбина Феликсовна²
^{1,2} Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

EN Dzhanetta Murzabekovna Dreeva¹, Dr
 Albina Feliksovna Kokoeva²
^{1, 2} North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

¹ dshanetta@mail.ru, ² albina.kokoeva@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.10.2024; опубликовано online (published online): 28.11.2024.

Ключевые слова (keywords): эмотивно-суггестивный потенциал; когнитивная (концептуальная) метафора; англоязычный политический дискурс; эмотивно-экспрессивная функция языка; суггестивность; метафорический перенос; политическая коммуникация; emotive-suggestive potential; cognitive (conceptual) metaphor; English-language political discourse; emotive-expressive function of language; suggestiveness; metaphorical transfer; political communication.